

ОТЗЫВ

председателя диссертационного совета о диссертации
Зверевой Марианны Ивановны на тему: «Эвфемизмы в современной публицистике как индикаторы состояния языковой среды», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по научной специальности 5.9.5. Русский язык. Языки народов России

Иносказания любого типа и онтологии – тема для лингвистов поистине неисчерпаемая: прагматические основания, сферы распространения, коммуникативная функция и способы организации (в самом широком смысле) «окольной речи» – все эти (и другие) вопросы неоднократно становились предметом профессионального внимания языковедов.

Эвфемия или «дипломатическое сглаживание» нежелательных в конкретной ситуации речевых проявлений довольно хорошо изучена: число работ, посвященных различным аспектам «корректного и завуалированного речевого поведения»¹, действительно велико, о чем свидетельствует, например, обобщающая статья И.Н. Никитиной «Эвфемия в зарубежной и отечественной лингвистике: история вопроса и перспективы изучения»², в которой приведены многочисленные и различные по времени, географии и аспектам исследовательского интереса способы научной интерпретации этой языковой универсалии. При этом та же И.Н. Никитина в другой своей статье замечает: «До сих пор не существует общепринятых критериев в определении данного явления, нет единого понимания границ эвфемии, классификации способов эвфемизации»³.

В контексте сказанного представленная к рассмотрению диссертация Марианны Ивановны Зверевой приобретает отчетливые признаки научно мотивированного и, как следствие, – **актуального диссертационного сочинения**. Причем особенно следует отметить более чем нетривиальный «поворот» исследовательского замысла автора – рассмотреть эвфемизмы современной публицистической сферы как сигналы социокультурной напряженности («социальной озабоченности») сегодняшнего общества. Более того, вводя термин «языковая среда», диссертантка последовательно соотносит свои наблюдения с положениями, присущими популярному

¹ Обвинцева О.В. Эвфемизм в политической коммуникации (на материале английского языка в сопоставлении с русским): дисс. ... канд. филол. наук, Екатеринбург, 2003. С. 14.

² Никитина И.Н. Эвфемия в зарубежной и отечественной лингвистике: история вопроса и перспективы изучения // Вестник Волжского ун-та им. В.Н. Татищева. 2009 / <https://cyberleninka.ru/article/n/evfemiya-v-zarubezhnoy-i-otechestvennoy-lingvistike-istoriya-voprosa-i-perspektiva-issledovaniya> [02.09.2020].

³ Никитина И.Н. Бытовые эвфемизмы в контексте разных языков // Изв. Самарского научного центра РАН. 2009. Т. 11. №4(6). С. 1580.

сегодня теоретико-прикладному направлению в лингвистике, близкому традиционной культуре речи, – лингвистической экологии.

И выбор материала, и этот предметный фокус мне представляются очень разумными и вполне мотивированными: во-первых, публицистика всегда заточена на актуальные и «кипящие» темы современности, потому ее язык, пожалуй, первым из всех функциональных стилей принимает на себя «горячие речевые новшества», порой всерьез грозящие экологии или традиции общепринятой культуры речи; во-вторых, эвфемизация этих точек кипения – насущная потребность сохранения литературной речи как таковой, при этом еще и проба потенциальных (семантических, по преимуществу) потенциалов языковой системы, за время своего многолетнего формирования накопившей почти неограниченные возможности по этой части. Все это, на мой взгляд, составляет **новизну** и оригинальность предпринятого **диссертационного сочинения**.

Интересен и в некоторой степени необычен стиль рецензируемой диссертации: Марианна Ивановна свободно использует многочисленные эпитеты, метафору и иные художественные средства, скажу сразу, в целом отнюдь не мешающие ей следовать логике научного анализа отобранного материала. Но не отметить столь выразительного стиля, не похожего на общий стиль научных работ аспирантского уровня, я не могу, поскольку считаю этот факт в известном смысле показательным. Приведу несколько примеров, которые свидетельствуют о сказанном:

В бурном потоке научной мысли иногда в один ряд ставятся такие понятия, как: «эвфемизм», «эвфемизация», «эвфемия», «перифраз», «антифразис», «литота», «мейозис» <...> (с. 68).

А. П. Сквородников, обладающий поразительной смелой пронциательностью в различных вопросах лингвистики и обращающий внимание как на широту смысловых горизонтов, так и на глубину понятия лингвоэкологии <...> (с. 70).

Языковая среда, как Вселенная, в которой чем больше эвфемизмов образует скопление вокруг того, что они заменяют собой, тем ярче подсвечивается, обращает на себя внимание этот денотат <...> (с. 146) и др.под.

Иными словами, перед нами новый и творческий разворот давней темы, выполненный автором с явно творческим настроением и (даже!) творческим азартом. Это не может не подкупать читателя.

При этом нередко случается, что творческая вольница в рамках научно-аттестационного сочинения дает сбой, поскольку в ряде исследовательских суждений важна как раз строгость и академическая предметность, что подчас страдает, – в случае с работой М.И. Зверевой, например, это происходит при формулировке цели и задач работы, а также ряда выводов ко второй главе.

Так, цель представлена, на мой взгляд, в формулировке, не столь очевидно соотносимой с сугубо лингвистической сутью решаемых в диссертации задач: «<...> определить взаимосвязь между состоянием языковой среды и количественно-качественными показателями эвфемистических вариантов» (с. 5).

На самом же деле вполне отчетливо исследуются эвфемистические механизмы выражения актуальных для современного российского общества понятий, воплощенных в номинациях с основным значением: «инвалид», «нищета», «убийство» и т.д. (с. 5). Да, аспект анализа этих механизмов в работе чрезвычайно важен, но из цели ушло ясное языковое содержание выбранного аспекта, что, на мой взгляд, нежелательно. Присутствует неясность и в формулировке, например, пятой задачи («с учётом ключевых параметров лингвоэкологии исследовать эвфемизмы в качестве индикаторов, позволяющих диагностировать проблемные явления в языковой среде» – с. 6) и второго положения, выносимого на защиту (с. 8), поскольку далее не разъясняются эти самые «ключевые параметры лингвоэкологии», «актуальные варианты эвфемистических замен» (с. 8) и др. бесспорно яркие и очень привлекательные формулировки («многомерное понятие» – с. 32; «контекстуально огражденный» – с. 51; «конфликт в языковом сознании» – с. 96; «Вариативность эвфемистических слов и выражений отражается в языковой среде как негативно, так и позитивно» (с. 143) и под.).

Следует сказать, что реферативная часть диссертации – обзор работ, посвященных эвфемизмам, – впечатляет размахом и количеством проанализированных работ, в результате чего довольно строго, т.е. в однотипном формате, автор представляет список дефиниций того или иного подхода в толковании ключевого термина диссертации – «эвфемизм» и его производных, обозначающих как процесс эвфемизации, так и его результат. Все это, по замыслу М.И. Зверевой, должно внести ясность в разноголосицу мнений и определений этого языкового феномена, в чем автор видит одну из задач своего исследования (*задача 3*: «произвести терминологическое разграничение понятий «эвфемизм», «эвфемия», «эвфемизация» и других смежных с ними лингвистических понятий» – с. 6). Задача, безусловно, важная, о чем как раз и свидетельствует, повторяюсь, довольно тщательный анализ мнений множества ученых, причем отрадно, что соискательница учитывает лингвистическую сущность той или иной трактовки и классификации эвфемизмов (функциональная, грамматическая, стилистическая и т.д. – с. 33–46).

Однако несколько смущает подход, который затем (со с. 47) предлагает наш автор в теоретическом осмыслении разнородных и разноуровневых, на

мой взгляд, явлений, обозначенных ею в перечне оппозиций, видимо, понимаемых как оппозиций однопорядковых, способных пролить свет на языковую сущность эвфемизма: *эвфемизм и синоним* (уровень лексический); *эвфемизм и гипербола* (фигуры речи, риторические средства речи); *эвфемизм и эзопов язык* (аллегория в самом общем виде); *эвфемизм и политкорректность* (языковая / речевая прагматика, основанная на идеологическом, социальном содержании самого явления). Все-таки в задаче совершенно логично указана лингвистическая позиция – *терминологическое разграничение лингвистических понятий*. Вряд ли *табу* или *политкорректность* относятся к таковым. Думаю, соотношение этих разноуровневых терминов, действительно часто смешиваемых в ненаучной литературе, для лингвистического осмысления процесса эвфемизации не имеет существенной роли.

При чтении практической части работы у меня постоянно возникали вопросы, преимущественно связанные с тем, что мощно и масштабно заявленные теоретические позиции в первой главе (индикаторы языковой среды, их дифференциация на основе собственно языкового анализа большого массива статей, научные критерии феномена «языковая среда» и под.) почти не находят своего терминологического и, что важнее, содержательного отражения в суждениях, сопровождающих грамотный, но местами обычный, а иногда и несколько наивный социокультурный анализ той или иной эвфемистической мены или причин возникновения того или иного эвфемистического случая. Например, на с. 98–104 рассматриваются эвфемизмы, используемые для непрямой номинации бедности / нищеты. Среди прочих рассуждений о том, какими эвфемистическими выражениями реализуется эта тема, читаем: «выражение “за чертой бедности” может восприниматься с долей безнадежности от того, что человек перешёл определённую черту, оказался за ней, по аналогии как во фразеологизме “за бортом”» (с. 102) – малопонятно, из каких собственно лингвистических или лингвоэкологических критериев возникает этот вывод. И каковы они, эти критерии? И еще. «Актуальный эвфемизм», о котором идет речь в теоретической части работы и положениях, выносимых на защиту, – это то же самое, что и частотный эвфемизм, или автор имеет в виду иные критерии его выделения? Каковы они? В таком случае «за чертой бедности» – это актуальный эвфемизм или это попросту экономический термин (причем калька с английского *Poverty threshold / Line*), играющий эвфемистическую роль в тексте публицистической статьи? Общеизвестно, что часто профессиональные термины действительно используются в такой функции. Жаль, что процесс терминологизации таких исходно эвфемистических

выражений, как, например, «люди с ограниченными возможностями» и под., не стал предметом внимания нашего автора. А терминологизация, т.е. вхождение однажды удачно найденного иносказания в круг профессионально маркированных номинаций, – интересная тема для исследования эвфемии в выбранном аспекте. Это как раз могло бы стать явным показателем социальной актуальности как самого явления, так и его эвфемистического обозначения.

Перечислю ряд частных вопросов, дискуссионных суждений и реплик, имеющих прямое отношение к сказанному выше.

1. На с. 77 читаем: «Наибольшим манипулятивным потенциалом обладает выражение “люди с ограничениями”, т. к. без уточняющего контекста оно может ввести в заблуждение адресата». Всегда ли неясность выражения является признаком речевой манипуляции? В чем состоит эта манипуляция, какова ее цель и кому она адресована, если понимать под манипуляцией сознательное речевое воздействие на адресата речи для достижения конкретной коммуникативной или прагматической цели [Л.В. Рацибурская и др.]?

2. При анализе контекста «Потом Ключников стреляет в убегающего преступника — буквально за несколько секунд нужно успеть его обезвредить» (Комсомольская правда. 2014.19 февраля) – Марианна Ивановна разъясняет: «повествование идёт от лица журналиста Алексея Котмышева, использование эвфемизма “обезвредить” вместо “убить” характерно и типично для представителя его профессии» (с. 27). Так ли это? Из каких (источников) данных это выводится? — В среде оперативных работников, насколько мне известно, существует довольно строгая градация профессионально маркированных глаголов: «обезвредить» – ‘лишить оружия’, ‘лишить возможности нанести ущерб’. А вот для выражения семантики ‘убить’ – чаще всего используется глагол «ликвидировать» или «уничтожить», реже – «нейтрализовать».

3. Неоднократно повторяется тезис о том, что «неудачный эвфемизм» это тот, который является (цитирую) «самым не экономичным по отношению к речевым усилиям» (с. 76). Почему количественная характеристика эвфемистического выражения объявляется критерием его удачности / неудачности? Например, все многословные, с творческой начинкой, наименования женщин по возрасту обычно только приветствуются, считаются более предпочтительными, нежели уже хорошо известные, короткие, со «стертым» образом.

4. Про выражение «солнечный ребенок». Кажется, это известная калька с английского *Sunny child*, ставшая термином-интернационализмом.

Не являются ли подобные случаи показателями явной актуальности эвфемизации этого социально значимого явления? И в этом случае ясно видится, на мой взгляд, факт позитивной манипуляции, адресованной всему обществу, – воспитание доброго отношения к детям с синдромом Дауна.

5. На с. 82 — весьма строгая оценка, данная М.И. Зверевой эвфемии русского публицистического текста как таковой: «Однотипность и громоздкость преобладающего большинства вариантов эвфемистических выражений, активное использование в русских публицистических текстах эвфемизмов, представляющих собой кальку с англо-американских эквивалентов, указывает на низкий уровень языкового творчества применительно к поиску и созданию удачного эвфемизма». Почему перечисленные факты трактуются как показатели низкого уровня языкового творчества? Возможно, они имеют объективные основания? Например, лексическое калькирование, особенно в части профессиональной терминологии, – явление более чем распространенное во всех языках и, кажется, никак не оцениваемое по шкале «высокий – низкий уровень языкового творчества»?

Совершенно очевидно, что и вопросы к соискательнице, и комментарии к ее работе – свидетельство сложности, неисчерпанности и явной перспективности большой и хорошей темы, тем более – в выбранном аспекте. Однако диссертации в целом безусловно состоялась. Поэтому следует констатировать, что диссертация **Зверевой Марианны Ивановны** на тему: «Эвфемизмы в современной публицистике как индикаторы состояния языковой среды» соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 19.11.2021 № 11181/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», а соискатель **Зверева Марианна Ивановна** заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по научной специальности 5.9.5. Русский язык. Языки народов России.

Нарушения пунктов 9 и 11 указанного Порядка в диссертации не обнаружены.

Председатель диссертационного совета
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры русского языка СПбГУ

Т.С. Садова

22 февраля 2024 г.